

Нак-то в газ. „Возрождение читал замечательную статью проф. И. А. Живина в журнале „непредвещенства“, в которой пишется удивительные в устах русского политического деятеля слова, подкупающие своей откровенностью и искренностью признания. Прямо таки золотые слова.

Затем, в печатном органе „младороссов“, в статье г. Львова, читал не менее замечательные слова признания в том, что самостоятельное движение сейчас в СССР по своему удельному весу и охвату широкой народной массой занимает второе место после коммунистов.

Чтобы все это значило? Новое веяние? Начало прозрения? Спуск с небес на грешную землю? Или унылый русский империализм, желающий использовать в свою пользу самостоятельную силу?

Конечно, в этих признаниях (больших или малых) еще много недоговоренностей, чувствуется еще некоторая боязнь признаться, трудность. Но это и понятно, ибо, видимо, „труден первый шаг“ хотя бы к правде и справедливости. А в качестве „первого шага“, „первого пути“ эти признания замечательны и с ними следует ознакомить наших читателей, что и я хочу сделать, придав к ним несколько замечаний от себя.

Нужно сказать, что мы, самостоятники, стояли и стоим на той позиции, что единственным путем, ведущим к ослаблению большевизма, единственной реальной силой, способной с ним бороться, есть путь борьбы народов СССР за свою государственную независимость, живой и действительной силой этих народов. За такой наш взгляд и понимание русские „патриоты“ до сих пор нас „приговаривали“ к поворочному столбу, „доказывая“ нам, что у „охраняемых“ народов СССР совершенно отсутствуют сепаратистические стремления, что все они, мол, охвачены русским патриотизмом, пламенной любовью и московскому централизму, а все заграничные самостоятники являются, мол, „агентами штабов некоторых иностранных государств“.

Конечно, так утверждать могли люди, находившиеся во власти своей большой фантазии, витающие в полубезбесных сферах и упорно не желавшие спуститься на грешную землю и считаться с очевидной и реальной действительностью. Эти люди придерживались того „правила“, что если факты жизни против их большой мечты, то тем, мол, хуже для самих этих фактов. До сего времени на русских людях не было слышно тревожного голоса возражения против этой боязни воображения; никто не думал различать желаемое от возможного.

Но вот, в печатном органе русской патриотической молодежи, молодой активист г. Львов ледяным душой обдал своих, не по возрасту, пылких отцов и который с душевной откровенностью пишет, что, если бы случилось свержение большевиков, когда народы СССР была предоставлена полная свобода выборов, то во всякое представительное собрание, будь оно учредительным или просто законодательным, русская нация пошлет очень значительное число сторонников советского строя и даже партийных коммунистов... можно с уверенностью сказать, например, что при выборах в какой либо парламент в 1981 году, больше половины мест досталось бы коммунистической партии. С той же уверенностью можно сказать, что на втором месте оказался бы блок всевозможных сепаратистов... .

Иными словами, по утверждению Львова, в настоящее время в СССР, сепаратистско-самостоятельное движение, идея самоопределения народов, их государственной независимости по силе своего охвата народного сознания, по своей распространенности, после компартии, является единственно реальной силой, единственно серьезным живым фактором, опираясь на который и поддерживая чего единственно и можно вести борьбу с большевиками.

Это положение, ныне так откровенно подтверждаемое русским патриотом Львовым, для самостоятников не является новостью. Они это знали и знают давно, ибо для всякого свободного от власти большой фантазии человека ясно, что в гущу

классы народов СССР имеются только две реальные силы, делившие одновременно и по линии национальной и по линии социально-экономической:

1) вся русская (великорусская) рабочая и большая часть (беднота!) крестьянская Россия, исторически несчастная по своей бедноте и темноте, и ввиду этого, все национальное сознание коей выразилось в классическом ответе: „мы „рыцарские“, от Великой России никакой личной выгодой не пользовались, а с воцарением власти большевиков получившая широкую возможность учиться и некоторую личную выгоду, — естественно, все эта масса признательна коммунистам и их поддерживает;

2) все другие „окраинные“ народы, в своем преобладающем большинстве бывшие владельцы хозяйств-собственники, с ярко выраженным национальным сознанием, эти: сознанием гордые (например, — „слава Богу, что мы казаки!“), с воцарением власти большевиков хозяйственно-разоренные, национально-угнетенные, — естественно, все эти народы были и есть против большевиков и за сепаратизм, за самостоятельность.

Две силы: великорусская низшая народная масса, в силу своего прошлого социально-имущественного положения коммунистов поддерживавшая, с одной стороны, а с другой — все народные массы „окраин“, в силу своего национального сознания и прошлого социально-имущественного положения против коммунистов стоявшие!

Вполне, по этому, понятно, что если бы по какому нибудь чуду был бы сейчас возморожен в СССР свободный плебисцит, то все великорусская рабочая и крестьянская масса, по количеству своему, заняла бы первое место и стала бы за коммунистов, а следующее по количеству голосов несомненно заняла бы блок народов-самостоятельных, как это правильно пишет, наконец-то, прозревший один из русских, Львов, который об этом своем прозрении и об этой очевидной истине так откровенно поведал своим друзьям:

Но по существу почти то же самое, но в более прикритой, дипломатической форме, говорит в своей статье и проф. Ильин, который не предостерегает заранее какая политическая форма должна быть установлена в России немедленно после падения коммунистического строя. Но это мнение, „вернее всего будет такая новая политическая форма, которую не подведешь ни под какую историческую и юридическую категорию: ибо она вызовет транзитное состояние не равных форм: она родится в хаосе, из беды и нужды, в виде великой, спасительной импровизации; она будет приспособляться к ходу, будет подвижна и изменчива; и, в довершение всего, таких политических тел и форм может сложиться на время сразу несколько — одна в Сибири, одна в Белороссии, одна в Малороссии, одна на Кавказе и в Средней Азии...“

Другими словами, по мнению проф. Ильина, „вернее всего“ современный СССР распадется на свои естественные составные национальные части, но его место „вернее всего“ образует ряд самостоятельных независимых государств, т.е. после падения коммунистического строя, восторжествует сепаратизм, самостоятельность, о какой очевидной истине неустанно и говорит самостоятельными, но что также неустанно „опровергается“ русскими эмигрантами „патриотами“.

Конечно, проф. Ильин совсем не желает, чтобы самостоятельность восторжествовала „в серьез и на долгот“. Он только с ученой объективностью констатирует неизбежность торжества сепаратизма, но он допускает это торжество только „на время“, с потом, мол, все образуется — народы вернутся в лоно „Великой России“. Мы не будем так далеко заглядывать и гадать, что потом будет? Важно только отметить, что по его мнению, после падения коммунистического строя восторжествует самостоятельность.

Проф. Ильин звенит в своих: „после всего, пережитого Россией, мы должны развить свой воюровод настолько, чтобы предвидеть возможность временных (?) переходных форм, небывалых в истории; ибо в России произошло и протекает несомненное; несомненное событие, наследственное изменение высшего состава общества (святая истина, чем несколько слов сватом митр. . . В.), управление естественной экономики и наследие искусственного и неизвестного хозяйства, повальное об-

нищание, переутомление и испуганность, гибельная утрата прочности, как в физике и даже чуть ли не прочной оседлости. Какой юридической формулы можно будет постепенно дать этому классу и этим утратившим всякую почву, пролетаризованным и доведенным до отчаяния массам? Не знаем. Частно и определенно говорим: не умеем ответить на этот вопрос, и никто не умеет.

То за то проф. Ильин хорошо знает одно, на один вопрос он отвечает „недвусмысленно и категорически: какова бы ни была эта новая, переходная форма, она будет лучше коммунистическо-советской; великая будет лучше; все будет означать сдвиг; все будет сулить нецеленое (за всё и все будет означать сдвиг и сулить нецеленое, то, надо думать, это „всё“ входит и сепаратизм. Тем более, сам проф. Ильин говорит о сибирской, кавказской и т. д. „формах“ Е. В.). И потому мы, русские патриоты, должны будем помогать за совесть всякому такому начинанию... „Нет, нет, — все лучше, чем дальнейшее разделение русской души и разложение русской национальной субстанции! Современная трагедия России так велика и глубока, что борьба должна вестись не за политическую форму, а за самое бытие народа, за возможность дышать и трудиться, а не презыняться и расстреливаться. Нельзя быть русским монархистом ценю России, ибо это будет подлинный зарубежный пустозвон, — слова без идей и распри без дела. Нельзя быть также русским республиканцем, отдавая России, не страха перед монархией, на разделение коммунистами, — ибо... это будет подлинное зарубежное поехонье — блудяние в трех соснах и невиденье леса и за деревьями...“

С таким пламенным призывом обращается проф. Ильин к своим русским, призывает их „быть и бороться“ с большевизмом, „помогать за совесть всякому такому начинанию“. Если бы принять во внимание, что он выше говорил о силе сепаратического движения в СССР, о неизбежности возникновения ряда неизвестных „окраинных“ государств, об особой сибирской, великорусской, алорусской, азиатской, средне-азиатской „государственных формах“, то, надо думать, он призывает своих русских „помогать за совесть“ и самостийникам в их борьбе за свое национальное освобождение против коммунизма, „дружно и согласованно вместе бить его“... .

Если бы было действительно так, то дело борьбы с большевизмом значительно облегчилось бы и момент освобождения народов мог бы значительно приблизиться. Такая „дружность и согласованность“ в борьбе с коммунизмом (на радость всем!) легко могла бы установиться, если русские, удержив свой великодержавный аппетит, поборов в себе свою ненависть и освободительному движению народов, ограничив свои притязания только пределами Великой России, а понятие „Россия“ вкладывая только эту последнюю, — искренно и честно признав естественные права народов на самоопределение, протянув им руку дружбы и братства, а не ненависти и проклятия, — поставили бы себе только цель борьбы с коммунизмом (а не со всеми народами!) за „само бытие народов (а не только народа с большой буквы!), за возможность дышать и трудиться“ каждому на своей родной земле так, как ему угодно и желательно... .

Такой подход русских к этому „больному“ и большому вопросу чрезвычайно облегчил бы дело борьбы с большевизмом и в дальнейшем сильно облегчил бы добрососедскую жизнь со всеми народами.

Ибо без признания этого национального права, без них, а тем более против них, нет возможности, способа свершения коммунистического строя. Без признания и при Ильине этого единственно-возможного выхода из настоящего тяжелого положения для русских эмигрантских монархистов и республиканцев, по выражению проф. Ильина, останется удел „слова без идей и распри без дела“. Это будет лишний свидетельством, что души их старательно запупорены от вторжения в нее истины, что все они окончательно „поражены политической слепотой и глухотой“, что они не способны понять „почему ни монархия, ни республика не спасла России от крушения и от коммунистического разгрома“ (все выражения, вальше в кавчках, принадлежат проф. Ильину). Это будет означать, что русская эмигрантская партия с своими усовершенствованными семантиками, работает на холостом ходу и, в конце концов, перепо-

рит в пустуэ...

Несколько соображений по поводу высказывания проф. Ильина относительно беспочвенности и бессмысленности монархизма в некоторых странах (он, как пример, указывает на Швейцарию, САСШ), или республиканизма в других странах.

„Можно быть, — пишет проф. Ильин, — убежденным и идейным монархистом и понимать, что при наличных условиях монархии не на что и не на кого было бы опираться; что в стране нет необходимого для нее монархического чувства и правосознания; что установление монархии вооруженной рукой повело бы только к гражданской и позорному провалу... Есть страны, где возможны идейные, убежденные монархисты, но безнадетна и бессмысленна монархическая программа“...

На наш взгляд, именно такой страной в настоящее время является СССР, где нет абсолютно „монархического чувства и правосознания“.

... „так может, — продолжает проф. Ильин, — обстоять дело и с республикой: человек может быть идейным республиканцем“... но „он может понимать, что в его стране республика не имеет никаких перспектив, кроме резни и провала“.

Это определение можно целиком отнести к современной Великодержаве, где исторически не было и нет „республиканского чувства и правосознания“ (в самом народе, конечно, исключая небольшую группу интеллигенции), особенно теперь, когда, по выражению проф. Ильина, там, в Великодержаве, произошло „неслыханное упрощение классового состава общества“, говоря проще, когда небольшие верхние слои великорусского народа (республиканцы и монархисты) частью изгнаны на чужбину, частью беспощадно уничтожены большевиками, а оставшаяся однородная низшая народная масса никогда республики не знала и никакого республиканского чувства не имеет.

Для понимания этой простой истины нужно только сделать небольшое усилие и уяснить себе классовый состав, социальный состав русского (великорусского) общества (о социальном составе других народов сейчас говорить не будем, скажем только, что там такого резкого раздела между верхушкой и народом, такого глубокого провала между ними, антагонизма не было).

Социальный состав русского (великорусского) общества мы можем себе представить в виде несложной, непропорциональной, трехэтажной пирамиды:

внизу — огромная многомиллионная крестьянская и рабочая масса, лишенная русского национального сознания, для которой Россия была почти пустыней звуком (в поле и дорожке были „свой Тамбов“, Рязань и т. д.), на протяжении долгой русской истории в нужде и темноте пребывавшая, о русском монархизме или республиканизме слабое представление имевшая;

выше — количественно весьма небольшая русская ученая, либеральная интеллигенция, русскую культуру создавшая, о российской республике мечтавшая, народом непонятая, русской властью гонимая, преследуемая;

над ними, в виде очень небольшого, уродливого купола — русская высшая аристократия, дворянство, бюрократическое чиновничество, духовенство, монархией рожденные, соками ее питавшиеся, ей молившиеся, но в трудную историческую минуту для защиты своего монарха палец о палец не ударившие.

Вот, в грубом виде, социально-классовый состав русского (великорусского) общества. Для первого „этажа“ (народа) русское монархическое правление во все свои долгие истории никакой радости не дало, жизненных благ не дало, а потому естественно особой любви у него к монархии быть не может, а о республике он и представления не имеет.

Так было в прошлом. Что имеется теперь? По выражению проф. Ильина, произошло „неслыханное упрощение классового состава общества“. Говоря проще: остался только нижний „этаж“ русской (великорусской) общественной пирамиды, душе и сердцу которого ни монархия, ни республика ничего не говорит. Два верхние „этажа“ этого общества (высшая аристократия — сторонники монархии и культурная интеллигенция — защитница республики) частью очутились в эмиграции, а оставшаяся в СССР их часть большевиками сознательно и систематически истребляется. Таким образом, расслоение социальной пирамиды русского общества произошло по гори-

контали: два верхние смяты и увичта дечен, о чег, по челоуечеви, акади долген глубоко скорбетъ, но не строятъ на этой почве от чувства, сантимента политику. В результате - в русском (великорусском) народе в настоящее время не остались живых корней для монархизма или республиканизма, нет людской базы для них, „нет монархического (или республиканского) чувства и правосознания“. Поэтому, для всякого уравновешенного человека, свободного от фантазии, ясно что „там“ для монархии сейчас вообще нет никакой почвы, а для укрепления идеи республиканизма понадобятся много десятков лет, нескольких новых человеческих поколений, для которых коммунистическая „гребенка“ станет, наконец, в тягость и они начнут воспринимать идеи свободы, демократии...

Расселение же других народов произошло по вертикали. „Окраинные“ народы в СССР и их эмиграция вполне тождественны по своим происхождением, по своему социально-культурному положению и по своим политическим идеалам: „там“ и тут имеются осколки разных слоев общественной пирамиды этих народов; эмиграция их является живым отражением своих народов „там“, вынужденных под красными штками молчать. Чужия и стремления „там“ и тут“ у них одинаковы. Именно в этом заключается сила самостоятельного движения: заграничное самостоятельное движение совершенно соответствует стремлениям народов „там“, духа их поет в унисон.

Поэтому, совершенно прав г. Львов, когда в цитируемой выше статье говорит, что сейчас при свободных выборах в СССР сепаратистский блок несомненно занял бы второе место после коммунистов, ибо других живых, реальных сил там сейчас нет.

Признание замечательное! Русским людям следует сильно призадуматься над ним и, призадумавшись, признать и примириться с этим неприятным для них фактом. Нужно им отказать от своей ненависти и самостоятельным и бескорыстно их поддерживать - эту единственно-действенную силу для борьбы с большевизмом, чтобы с их помощью освободить и свою родину - Великороссию-Россию.

Все другие лозунги, рожденные русской эмиграцией, все другие флаги, поднятые ею, все другие походы, начатые из-за границы, без самостоятельных, без „окаинных“ народов, тем более против них (как это практиковалось „Белой армией“ в 1918-20 годов), по выражению проф. Ильина не имеют никаких перспектив, кроме резни и провала“.

Мы говорили о прогнозах и диагнозах представителей правого „сектора“ русской эмиграции. Но и левый „сектор“ начинает терять по своей почве. Например б. „главоверх“ меренский категорически утверждает, что во всем мире нет друзей и союзников „Великой России“, с одной стороны, а с другой - внутри русского народа нет сил для борьбы с большевиками, их свержения. Вот что он пишет: „среди нынешних внешних врагов большевиков (т.е. иностранных государств. Ш.В.) нет вовсе друзей России (подчеркнуто меренским: Ш.В.), нашей общей - от крайних правых до крайних левых - родины“ („Дни“, №148). Или в другом месте: среди иностранцев нет никого, кто бы стремился сейчас действительно к свержению сталинской диктатуры во имя восстановления национально-здоровой и государственно-сильной России“ („Дни“, №147).

А у самостоятельных, по утверждению того же самого меренского, союзники имеются везде. Он пишет: „связь между японскими дальне-восточными властями и общим расчлененным Россией самими японцы достаточно ясно видит. Отсюда соблаб дружба с Польшей, особый интерес к событиям не только на Украине, но и в далеком Туркестане; овседа, наконец, недавние, сравнительно, слова одного весьма осведомленного в русских делах японца: технически мы можем очистить пол-Сибирь от большевиков в две-три недели, но эту операцию мы не начнем, пока не разовьются события в Украине и на Кавказе“.

Меренский с большой тревогой за судьбу „Великой России“ ставит вопрос, будет ли „в силах население центральных областей отстоять рубежи государства от жадных иностранных воцелений, расплеченных гражданской войной на внутреннем фронте?“ И грустно констатирует: „конечно, петербургский обыватель (т.е. русский человек. Ш.В.), доведенный до последней степени бесправия и нищеты веспособен на политический протест“.

А рядом он не пишет: „...затихшее за время века крестьянское повстанчество на Украине, как и в Сибири, как и на Волге - вспыхнуло и разрастается“...

Таким образом, повторяется всем нам известная старая картина: русский (великорусский) народ, добровольно признавший большевиков, и теперь молчит, не рыпнется, а протестует, борется и умирает только „окраинные“ народы - „проклятые самостийники“.

На этих очевидных для всех фактах поставив правильный диагноз, что русские неспособны и не хотят бороться и свергнуть большевиков, Керенский делает и правильный прогноз, выразившейся в пламенном призыве к своим русским: „мы должны звать и иноплеменные народы России к забвению старых распрей, к братскому союзу в борьбе с общим беспощадным внутренним врагом, во имя создания свободного союза свободных, друг другу равных самоуправляющихся народов, совместно, как бы Малой Лигой Наций, отстаивающих свои международные и хозяйственные интересы, свое место под солнцем в мировом целом“.

Это откровенное признание бессилия русского великодержавия, централизма, этот поворот керенского „лица к народам“ в высшей степени символически. Назревает огромной важности событие, с сил для влияния на них в действительном для русского великодержавия направлении у русский нет. Отсюда и его призыв „к забвению старых распрей, к братскому союзу“... „создание свободного союза свободных, друг другу равных народов“, его щедрое наделение последних правом на „свое место под солнцем в мировом целом“.

Но самостийники должны помнить, что это - старая русская песня, только на новый лад: когда вода под горло подходит - превратиться в наскового теленка и призывать - помогите, спасите, а когда станут твердо на ноги - встать на перекладине. Так делали в I-IV-V-VI годах „белые“ русские генералы. Тому самое соби- рается повторить и „розовый“ „гласковский“.

---00000---
---000---
---0---

КОНСТАНТИН ПОЛЯНОВ.

АТАМАНУ К.А. БУЛАВИНУ.

Его сабля кривая, его совесть прямая
Боле Дона служили всегда.
Пусть ушли поколения в века умирая,
Он в сердцах казаков не умрет никогда!
Много было врагов, лютым был Долгорукий,
Но любви было больше в груди казаков...
Сколько мужества надо, чтоб вытерпеть муки;
Сколько плыло по Тихому Дону плотов!...

.....
Взором испуг и оселым он ищет их взора.
Не нашел! Взгляд предателей в землю глядит...
Настоящий Дон, вольный, не терпит поворота
И в руках атамана пистоль не дрожит.
Как собаки над трупом убитого волка,
Над бездыханным телом смеются москальи:
С атаманской смертью призывы умолкли
И не видно казачьего войска вдали...
Не увидел царь Петр и палач Долгорукий.
Нет и их, но все тот же Дон Тихий - река...
Так зато видят их москвиты-правнуки
Булавинскую дугу в глазах казака.
.....